

- ¹⁸ *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССОКГ. Вып. IV. Отд. 1. Тифлис, 1870. С. 66.
- ¹⁹ Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее – КБИГИ). Ф. 10. Оп. 1: *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. С. 1–78.
- ²⁰ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12 А. Паспорт 22. Л. 60.
- ²¹ *Главани К.* Описание Черкесии, составленное Ксаверием Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана в Бахчисарае 20 января 1724 г. // АБКИЕА. С. 162.
- ²² Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 23. Оп. 1. Д. 274 Л. 145 об.
- ²³ *Главани К.* Указ. раб. С. 163.
- ²⁴ *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 гг. // АБКИЕА. С. 486.
- ²⁵ Там же. С. 556.
- ²⁶ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 130.
- ²⁷ *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 237.
- ²⁸ *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик. 1994. С. 156.
- ²⁹ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2. М., 1996, С. 214–215.
- ³⁰ *Ногмов Ш.Б.* Указ. раб. С. 166.
- ³¹ *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 213.
- ³² Адыгэ IуэрыIуаэтэхэр. Т. 2. Нальчик, 1969. С. 243.
- ³³ *Хан-Гирей.* Черкесские предания. С. 56, 255.

A.S. M i r z o e v. Horsemanship as a traditional social institution of the Adigei people

Horsemanship as a traditional institution that played an important role in the history and culture of the peoples of the North Caucasus reached the peak of its development among the Adigei and Daghestan peoples. It served to maintain a high degree of military mobility and to form public opinion among them which prized valor, generosity and magnanimity as the principal merits of men. In the case of social elite it helped to achieve and consolidate power, while for the inhabitants of poor regions it was a way to enrichment. Its negative aspects were the development of slave-trade and thus exportation of labor force beyond the borders of the Caucasus.

© 2002 г., ЭО, № 1

М.Д. Б о т а ш е в

ПОБРАТИМСТВО У КАРАЧАЕВЦЕВ

Побратимство – одна из форм искусственного родства – в различных формах и порядковых исполнениях бытовало у всех народов Северного Кавказа и было широко распространено в различные периоды истории человечества на всем пространстве ойкумены. Изначально к установлению побратимства прибегали, как правило, в сложной жизненной ситуации, когда человеку (в случае коллективного побратимства – социальной общности) требовалась поддержка верного и надежного союзника. Основным мотивом вступления в братство на ранних этапах истории человечества было приобретение именно военного союзника. Так, например, в сборнике обычного права казахов и киргизов, составленном в 1886 г. П.Е. Маковецким, сказано: «По происхождению своему тамырство (побратимство. – М.Б.) относится к глубокой древности, к тем временам, когда киргизы, кочуя ближе к Средней Азии, приходили в постоянные столкновения как с иными племенами, так и между собою и когда

каждый старался создать для себя более прочное положение посредством приобретения возможно большего числа друзей, обязанных защищать тамыра (побратима. – М.Б.) под условием взаимности. С умиротворением степи, с водворением в ней гражданского порядка постепенно исчезает потребность в прежних связях и от древнего тамырства остаются лишь кое-какие остатки, потерявшие прежний практический смысл»¹. Побратимов связывала тесная дружба, обязательства взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимоотношения нередко более тесные, чем кровное родство. Браки между их близкими родственниками, как правило, были категорически запрещены. Вот что ответил древнегреческому историку Лукиану скиф Токсарис: «Мы приобретаем себе друзей не на пирушках и не потому, что известное нам лицо является нашим ровесником, но, увидев какого-нибудь человека, хорошего и способного на великие подвиги, мы устремляемся к нему... И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда заключается договор с великой клятвой о том, что они будут жить вместе и в случае надобности умрут один за другого»². То же самое наблюдалось и в других раннефеодальных обществах. У кельтов побратимство устанавливалось «на почве общих юношеских подвигов»³. В ирландской саге «Смерть Кухулина» так описывается значение побратимства Кухулина с Коноалом Победоносным: «...и был заключен между ними договор: тот из них, кто будет убит первым, будет отмщен другим. "Если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь ты за меня?" – спросил Кухулин. "В тот же день, в какой ты будешь сражен, я отомщу за тебя еще до вечера, – ответил Коноал, – а если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь за меня ты?" – "Я не дам остыть твоей крови на земле, – отвечал Кухулин, – как ты уже будешь отомщен"»⁴.

Способы оформления побратимства у разных народов были чрезвычайно разнообразны. Первое описание обряда индивидуального побратимства составлено Геродотом и относится к скифам. «Все договоры о дружбе, – писал Геродот, – освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши»⁵.

Древние кельты братались через обряд питья крови. В ирландской саге «Свадьба к Эмер» герой (Кухулин), спасая невесту, высасывает камень из ее раны «вместе со сгустком крови» и вступает с ней в отношения побратимства-посестримства⁶. Аналогичный обряд побратимства бытовал в прошлом у многих народов мира. Так, в обычном праве албанцев говорится, что побратимство «совершается через питье крови друг друга, [и] навсегда запрещает брак между побратимами, между их домами и очагами»⁷.

В Древней Индии, Греции, Риме, у народов Тибета и Африки братались посредством обряда жертвоприношения. Так, суахили вырезали со лба животного (козы) полоску кожи и продельвали в ней два отверстия: в одно просовывали по очереди пальцы одного из братающихся, в другое – второго. Затем полоску разрезали надвое и ставляли на пальцах побратимов⁸. В книге пророка Иеремии содержится описание обряда побратимства, бытовавшего в древнееврейском обществе: стороны, заключившие договор, разрезали пополам теленка и проходили между двумя половинами. Так же поступили и греческие воины перед походом на Трою – они разрезали надвое кабана и прошли между частями, смачивая кровью лезвия своих мечей. В большинстве других случаев присягающие не проходили между частями жертвенного животного, а подобно скифам, наступали на них⁹.

Тюрки и монголы вступали в побратимство чаще всего путем обмена доспехами, лежкой, оружием, ловчими птицами, скакунами и т.д.¹⁰, а также «посредством объятия с обнаженной грудью – "кушак таскан" или пожатия друг друга за большой палец – "бармак уз таскан"»¹¹, «питья клятвы». Известно, например, что в конце XII в. пекуном Чингисхана был побратим его отца керейтский хан Тугрул¹². В «Сокровен-

ном сказании» – наиболее раннем монгольском письменном памятнике, относящемся к 1240 г., – говорится, что «когда (два человека. – М.Б.) делаются анда (побратимами. – М.Б.), то оба друга имеют как бы одну жизнь: один другого не покидает и бывают они охраной жизни друг друга»¹³. В 1269 г. на съезде (*курултай*) монгольских царевичей было принято решение побрататься и этим положить конец междоусобной войне. Царевичи «назвали друг друга андами, обменялись одеждой и, по тюрко-монгольскому обычаю, "пили клятву", т.е. обменялись друг с другом кубками и этим поклялись друг другу в неизменной верности»¹⁴.

Известный русский энциклопедист В.И. Даль отмечал, что русские «братаются меняясь натальными крестами при зарке вечной дружбы, крестятся и обнимаются»¹⁵.

Побратимы были верны своей клятве до самой смерти, а узы, связывающие их, как правило, не уступали кровнородственным или приравнивались к ним. Иллюстрацией верности побратимов своей клятве служит следующая история из жизни скифов. Когда один из побратимов – Амизок попал в плен, другой – Дандамис пришел безоружный в лагерь врагов и предложил их вождю выкуп – свою жизнь. Но враги потребовали в качестве выкупа не жизнь, а глаза Дандамиса, и Дандамис, не колеблясь, согласился. Пораженный этим поступком вождь отпустил ослепленного Дандамиса и его побратима. Уже на воле Амизок сам ослепил себя, чтобы стать равным своему побратиму¹⁶. Наиболее показательным в новой истории Кавказа примером верности побратимов своей клятве является, на наш взгляд, убийство тагаурским алдаром Асланбеком Дударовым родного брата Мисоста из мести за кровь своего побратима, кабардинского князя Алхаста Мударова¹⁷.

В своей основе побратимство и его атрибуты были широко известны народам Кавказского региона. Так, на Северном Кавказе практически повсеместно бытовало братание кровью, совместным питием из бокала, обменом оружия, жертвоприношением и т.д.¹⁸ У карачаево-балкарцев бытовали и особые способы побратимства (о них подробно будет сказано ниже): исполнение ритуального танца, «разрывание стебелька», прохождение под «клятвенной палкой» или саблей и т.п. Присяга прохождением под палкой бытовала также и у адыгов, но в качестве ритуала побратимства его использовали только в Карачае и Балкарии.

В Карачае и Балкарии, как и в других обществах Кавказа, побратимство (*ант(лы) къарнашлыкъ* или сокращенно *ант*¹⁹) бытовало в двух видах: индивидуальном, когда в союз вступали двое людей (вариант: пять-шесть человек), не связанных узами родства, и коллективном, когда в качестве одной из сторон (юридического лица) союза выступал коллектив родственников – как правило, фамилия (*тукум*). Данная работа представляет собой первую попытку комплексного исследования всех форм и видов побратимства у карачаево-балкарцев, а также обрядов их установления в прошлом и настоящем, выявления экзогенных и эндогенных причин его бытования.

Индивидуальное побратимство (посестримство, побратимство-посестримство)

Форма индивидуального побратимства, как уже было сказано, бытовала в прошлом у многих народов мира. Традиционной она была и для народов Северного Кавказа, в том числе и для карачаево-балкарцев. Из наиболее известных способов индивидуального братания у народов Северного Кавказа прежде всего следует назвать братанье кровью. Вариации этого обряда существовали в свое время у многих народов мира. Так, например, в обычном праве албанцев говорится, что побратимство «совершается через питие крови друг друга, [и] навсегда запрещает брак между побратимами, между их домами и очагами»²⁰. Данный вид побратимства под названием «кровного братства» (*къан къарнашлыкъ*)²¹ бытовал и у карачаево-балкарцев. Это сугубо мужская форма побратимства²². Известны два способа его заключения: чаще всего побратимы надрезают либо запястья, либо указательные пальцы, либо основания больших пальцев и соединяют их, как бы объединяя этим и свою кровь; второй

способ заключается в том, что побратимы выпивают жидкость с добавленными в нее каплями крови²³ (в редких случаях кровь просто слизывали с рук)²⁴. Иногда оба эти способа исполняются вместе. Во всех случаях «основанием для заключения "кровного братства" служит именно объединение крови братающихся и клятва Кораном и Аллахом не иметь по отношению друг к другу злых мыслей и намерений, быть настоящими братьями и верными друзьями!»²⁵. Интересно, что из всех видов побратимства «кровное» оказалось наиболее жизнеспособным и сохранилось в практически неизменном виде и во второй половине XX в. Так, в 1954 г. «кровное братство» было заключено между карачаевцем Сеит-Баталом Джанибековым и ингушом Алимханом Цуровым. Свой ант они оформили следующим образом: в присутствии своих товарищей они надрезали правые запястья и капнули кровь в бокал с вином, затем соединили надрезанные запястья и произнесли клятву: «Клянемся быть такими же близкими и преданными друг другу, как родные братья! Клянемся всегда и во всем выручать друг друга! Клянемся быть вместе и в радости, и в горе!». После этого они по очереди отпили из бокала²⁶. По сведениям информаторов, иногда «"кровный" ант заключается рукопожатием. Мужчины, не разнимая рук, произносят клятву: "Мы клянемся быть братьями, словно дети одной матери, и вовек не разлучаться!", а затем какой-нибудь авторитетный тамада – свидетель заключения анта разнимает их руки»²⁷. Так, в 1992 г. Заурбек Тамбиев (1973 г.р.) заключил кровный ант со своим другом. Надрезав основания больших пальцев левых рук, они сомкнули их в рукопожатии и произнесли слова клятвы: «Клянемся быть с этого момента братьями! Клянемся везде и во всем выручать друг друга! (и т.д.)», после чего обнялись правою рукою²⁸. По утверждению информаторов кровный ант наиболее священ и нерушим, для его заключения не требуется ничье свидетельство, вследствие чего к такой форме анта прибегают, как правило, люди, не желающие афишировать свои отношения. Часть информаторов отмечают, что главный критерий при заключении анта – религиозная принадлежность братающихся. «Если гяур (иноверец²⁹. – М.Б.) примет ислам, – говорит информатор Айшат Джаммаева 1901 г.р., – то с ним можно заключить ант, какой бы он ни был национальности. После этого они до самой смерти живут слаще родных братьев, делясь пищей, одеждой, кровом и т.д.»³⁰.

Другой распространенный и сохранившийся до наших дней способ присяги у карачаево-балкарцев – заклятие жертвенного животного (*кьурманлыкь*). Аналогичные обряды также имеют глубокие исторические корни. У скифов была известна клятва на шкуре жертвенного быка. Д.Д. Фрэзер отмечал, что братающиеся, наступая «правой ногой на шкуру, тем самым объединяли себя в одно существо с животным и друг с другом; все они, таким образом, связывались узами общей крови, служившей залогом их взаимной верности»³¹.

У карачаево-балкарцев ант жертвоприношением совершали обычно в первой половине дня и, как правило, в присутствии авторитетных свидетелей (чаще всего почтенных *аксакалов*) и некоторого количества приглашенных лиц, для чего желающие совершить обряд побратимства заранее извещали родственников, друзей и т.д. Часть мяса жертвенного животного (барана или бычка) раздавали жителям квартала (*тийре*), другую же варили в казане и подавали на стол приглашенным. Поедание мяса жертвенного животного – наиболее торжественная часть ритуального пиршества. Перед тем как приступить к нему старейшина (тамада), держа в руках «почетный кусок» (*сыйлы сюек*), стоя (при этом виновники торжества тоже обязательно встают) произносил молитву (*дуа*): «Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Благослови Аллах наше намерение и эту жертву (и т.д.)» и тост-пожелание (*алгыши*): «Да исполнит Аллах все ваши добрые пожелания! Пусть даст Он вам столько счастья, сколько было шерсти на шкуре этой жертвы! Будьте всегда верны друг другу! Пусть Аллах никогда не разлучит вас! (и т.д.) Амин!». Затем он обмакивал кусочек мяса в специальную приправу (*тузлукь*), которая к нему подавалась, и съедал. С этого момента побратимство считалось свершившимся фактом. Браки между членами семей побратимов не допускатись, так как побратимство влекло за собой установление

псевдородственных отношений, равных подчас кровнородственным. Ант с жертвоприношением был заключен в 1965 г. между карачаевцами Умаром Урусовым, Магометом Хасановым, Али Байчоровым, Али Бердиевым, абазином Нурби Физиковым. Во время пиршества побратимы принесли устную клятву: «Во имя всемогущего Аллаха, клянемся быть отныне и до самой смерти братьями! Клянемся во всем друг другу помогать и во всем выручать друг друга! Клянемся никогда не отступать друг от друга!» После этого побратимы заключили письменную «Клятву побратимов», в которой изложили все свои взаимные обязательства: всегда и во всем помогать и выручать друг друга, слушаться тамаду, поддерживать семьи тех побратимов, которые покинут этот мир и многое другое³². Каждый из побратимов всегда носил с собой копию «Клятвы». Если один из них нуждался в помощи, то все остальные оставляли свои личные дела (порою очень срочные) и стремились ему помочь. Основные принципы, на которых базировались их взаимоотношения, – это равенство, взаимопомощь и взаимовыручка, поэтому побратимы, несмотря на весьма чтимый горцами закон старшинства, обладали в союзе равным статусом (хотя старший по летам все же и пользовался более чутким к себе отношением и уважением) и тамада («старший», т.е. руководитель группы) периодически выбирался по жребью (*чѣб*). Его слово не подлежало обсуждению, все, что он говорил, исполнялось безотлагательно. В настоящее время не все из этих побратимов, к сожалению, живы, их семьи живут в разных городах и поселках Северного Кавказа, но тем не менее отношения дружбы и родства не угасли и перешли на их детей, которые продолжают считать друг друга состоящими в «клятвенном» родстве. Семьи побратимов – самые желанные гости друг у друга. Никакое торжество не обходится без участия в них хотя бы одной из этих семей.

В 1975 г. ант жертвоприношением был заключен в ауле Римгорка между Магометом Айбазовым и Магометом Каитовым³³. Связь побратимов оказалась настолько прочной, что позднее девушку из патронимии³⁴ (атаула) Айбазовых отказались выдать за парня из Каитовых. Родня побратимов продолжает поддерживать отношения родства и после их смерти.

Ант с жертвоприношением универсален, так как при его помощи можно установить не только побратимство – союз двух или более мужчин, но и более редкие его варианты: посестримство (союз двух и более женщин) и побратимство-посестримство (смешанный союз двух и более мужчин и женщин).

Редуцированной формой анта жертвоприношением является союз, оформленный устной клятвой и простым объявлением о заключении посестримства. Так, по словам информатора Мукуй Шидаковой, в конце 1970-х годов «в Учкуланскую больницу попали две женщины: одна из тукума Лайпановых, другая – Джанаева. Они тяжело болели и очень подружались за время своего лечения. Находясь в больнице, женщины поклялись, что если останутся живы, будут «клятвенными сестрами» (*ант эгечле*). Когда же они обе выздоровели, объявили всем, что они анты. И вот уже лет десять, как они умерли, а семьи по-прежнему живут, как семьи двух сестер. Они всегда вместе собираются на праздники, вместе участвуют на похоронах своих родственников. Дети антов не могут по обычаю создавать общую семью, но это правило могут и нарушить в каком-нибудь поколении»³⁵.

Другая форма «женского» анта носила название «разрывание стебелька» (*чѣб юзюу*) и чаще всего использовалась при заключении посестримства. Заключающие ант, держа в руках стебелек какого-либо растения (в случае, если их было трое, старший(ая) держал(а) стебелек посередине) произносили слова клятвы, а затем разрывали его. Такой ант был заключен в 1936-1937 гг. между Халимат Айбазовой, Джарык Байрамуковой и Хавой Борлаковой³⁶. Ант «разрыванием стебелька» является сугубо эндогенным и восходит к культуре аграрного божества Чоппа³⁷ и «Древа Жизни» (Джанъыз Терек, Раубазы) в Карачае и Балкарии.

Побратимство-посестримство – явление в этнографии крайне редкое и поэтому слабо изученное. В отношении же карачаево-балкарцев оно и вовсе никем не опи-

сывалось. В ходе полевых исследований в Карачае нам удалось зафиксировать отдельные факты заключения побратимства-посестримства в первой половине XX в. (в настоящее время этот обычай представляется изжившим себя) и взять интервью у некоторых его участников. В Карачае и Балкарии побратимство-посестримство чаще всего оформлялось «серебряным» антом, который имеет в свою очередь два различных способа исполнения: «съедение серебра» (*кюмюш къабыб ант этиу*), когда каждый(ая) брал(а) в рот по кусочку серебра³⁸, и «питие серебра» (*кюмюш ичиб ант этиу*), когда серебро соскребали (иногда опускали маленькое украшение или монету) в кубок с жидкостью (молоко, пиво, вино), которую после произнесения клятвы поочередно выпивали, причем первой отпивала, как правило, девушка³⁹. Считалось, что серебро обладает сакральной силой и является «символом вечной нержавеющей дружбы»⁴⁰, поэтому определенные манипуляции с ним упрочняют силу данного обета. Подобные обряды братания серебром были широко распространены у различных народов Кавказа. Так, например, в Грузии мужчины, заключавшие побратимство, «соскребали немного серебра со своего оружия в вино, пиво, водку (если побратим был мусульманином, то в молоко). Затем каждый из них произносил клятву: твой отец – мой отец, твоя мать – моя мать, твой брат – мой брат, твоя сестра – моя сестра, твоя жена – моя невестка, твой враг – мой враг. После произнесения такой клятвы они обменивались чашами с напитком, который выпивали»⁴¹. Вайнахи и осетины опускали в чашу серебряную монету, клялись быть братьями и троекратно пили из нее⁴². Такие же обряды существовали у народов Дагестана⁴³, Черкесии⁴⁴ и т.д.

В начале 1930-х годов «серебряное» побратимство-посестримство заключили Магомет Богашев и девушка, которая предложила заключить «серебряный» ант, объясняя его желанием иметь брата. От предложения заключить ант никогда не отказывались, напротив, это считалось большой честью и Магомет согласился. На одной из посиделок молодежи они опустили в бокал с вином серебряную монету и произнесли слова клятвы: «Клянемся во имя Аллаха быть братом и сестрой! Клянемся во всем поддерживать и уважать друг друга!» После этого девушка, а за ней Магомет отпили из бокала. С этой минуты они стали считаться «сестрой» и «братом по клятве» (*антлы эгеч, антлы къарнаш*)⁴⁵.

Схожим с «серебряным» антом был обряд заключения побратимства/побратимства-посестримства путем совместного питья напитка и исполнения ритуального танца. «Это, – пишет М.Ч. Кудаев, – делалось следующим образом: в присутствии почетных стариков и других гостей они (братающиеся. – М.Б.) пили из одной чаши (*гоппан*) бузу или айран и исполняли танец "Ант" (клятва). После этого они считались как родные братья. Союз побратимства могли заключить также парень и девушка или две девушки. Между представителями их семей браки строго запрещались»⁴⁶.

Наиболее распространенным способом заключения побратимства у карачаево-балкарцев был обряд «прохождения под палкой» (*таякъ тубюнден ётюу или таякъ тубюнден тизилиу*). Прохождение под сакральной аркой носит универсальный характер и является одним из обрядов перехода, символизирующих «переход из одного определенного состояния в другое, столь же определенное»⁴⁷. Так, широко известен скифский обряд побратимства (помимо описанного выше) – прохождение братающихся под нависшим дерном⁴⁸. Обряд «второго рождения» правителя киданей, символизировавший «магическое возрождение его физической, духовной и политической мощи», заключался в том, что император снимал одежду и обувь и трижды проходил под шестом-рогулькой. Каждый раз, когда он проходил под этой аркой, повивальная бабка произносила заклинание и обтирала его тело. Затем главный шаман произносил заклинания над пеленками и цветными лентами и «новорожденный» император выбирал одно из семи имен, предложенных семью старцами. «Шест с рогулькой, – сообщает Е.И. Кычанов, – символизировал женский половой орган и, возможно, древнейшие представления о рождении от дерева. Акт рождения фиксируется троекратным проползанием голого императора под рогатиной..., повивальная

бабка обтирает «новорожденного», ему подают пеленки, одежду новорожденного и дают имя⁴⁹. Интересно, что и у карачаево-балкарцев в качестве ритуальной «клятвенной палки» (*ант таякъ*) использовали палку с рогулькой – *гиздох таякъ*. В этой связи интересна этимология слова *гиздох*, состоящего из двух морфем: *гиз*, означающего женское родильное начало, и *дох/дохлау* – «преображение»⁵⁰. Таким образом, в карачаево-балкарской «клятвенной палке» «сконцентрировалось жизнеобеспечивающее начало и процессы преобразования, перехода из одного состояния в другое»⁵¹.

По мнению большинства информаторов, в качестве ритуальной палки использовался посох из боярышника, обладавшего сакральной силой и служившего в качестве оберега⁵². Некоторые исследователи полагают, что ант-таякъ срезали с дерева, растущего у общинного святилища, и ее хранили у старейшины общины и передавали из поколения в поколение⁵³. М.Д. Каракетов считает, что при проведении обряда побратимства в качестве ант-таяка использовали ритуальный дубовый посох (*джик-эллеи таякъ*) «с ответвлением на одном конце (*гиздох*), тремя заостренными ростками посередине (*чоппан-джик*), и острым окончанием на другом», и равный по размеру «росту главного князя (*къанкъар-тенъли*)»⁵⁴. Информаторы отмечают также, что иногда вместо клятвенной палки использовали саблю или шашку (в более ранние времена – меч). Так, например, присяга была оформлена во второй половине XIX в. «людьми Джумарька Гочияева»⁵⁵.

К палочной присяге карачаево-балкарцы прибегали в самых различных жизненных ситуациях. Так, если один человек передавал своего раба (*къул, къазакъ*) другому, то заставлял пройти его под палкой в знак принадлежности новому хозяину (по утверждению информатора, «казак клялся быть рабом этого человека») ⁵⁶. С палочной присяги начиналось строительство дома. По сведениям Н.П. Тульчинского, перед началом строительства «два высокочтимых в тийре пожилых человека держали палку и клялись в том, что они желают от всего сердца хозяевам добра, счастья и всяческого благополучия в жизни, чтобы в новом жилище им всегда сопутствовала удача. Что помощь – *мамат*, которую они оказывают, говорит о чистоте их помыслов»⁵⁷. После этого все участники строительства проходили под палкой. К палочной присяге прибегали и в случаях, когда необходимо было сплотить войско перед походом. Так, согласно историческим преданиям, воинская присяга была оформлена Карчой и его сподвижниками⁵⁸. По некоторым данным, обряд был проведен несколько необычно: вместо традиционного прохождения под ритуальной палкой ант-таякъ, братающиеся, «вместе держась за воткнутый в землю шест, поклялись быть братьями и не шадить себя в смертельном бою»⁵⁹. Видимо, следствием этого и было отмечаемое многими отсутствие «каких-либо резких клановых столкновений» в Карачае⁶⁰. В других случаях под палкой проходили члены родовой или сельской общины в период смертельной опасности и т.д. Так, жители аула Уллу-Эль Чегемского ущелья после палочной клятвы полностью истребили князей Рачкауовых – всего 14 человек, включая младенца, воспитывавшегося в семье Калибеговых⁶¹. Такая же история случилась и в ауле Кюнлюм Большой Балкарии, где были уничтожены князья Боташевы, узаконившие право первой ночи⁶².

Свидетелем палочной присяги в 1906 г. «кулов», «безземельных и малоземельных узденей» был известный революционер У.Д. Алиев. «Мне памятно, – вспоминал он, – как я, будучи мальчиком, следил за тем, как аульные жители (Карт-Джурт) поздно ночью выходили за пределы аула в местность, так называемую "казгала" и устраивали там сход. В знак клятвы и солидарности все без исключения проходили под палкой – "таякдан-тизи-лиу" (верно: *таякъ тюбюнден тизилиу* – прохождение под палкой. – М.Б.)»⁶³. В качестве обряда военной присяги прохождение под палкой бытовало также у некоторых адыгских народов (кабардинцев и убыхов). «Присяга, известная у кабардинцев под названием зэпэбаш (*зэпэ* – префикс взаимности, *баш* – палка), – пишет Б.Х. Бгажноков, – тоже предполагает операции с посохом, палкой или ружьем.

Она состоит в том, что два человека, взявшись за концы палки, посоха или ружья, образуют своеобразную арку, под которой проходят присягающие, произнося клятву»⁶⁴. Узкое применение и неповсеместное бытование данного обряда позволяет нам думать о его экзогенном характере у адыгских народов.

В качестве ритуала побратимства и усыновления палочная клятва на Кавказе бытовала только у карачаево-балкарцев. Примеры «палочного» побратимства (*таякъ къарнашлыкъ*) встречаются в самых ранних исторических преданиях карачаево-балкарцев. Так, один из сподвижников Карчи, основателя раннефеодальной государственности карачаевцев (X–XI вв.), Будиян состоял в «палочном» братстве со своим другом Дадияном⁶⁵.

Палочное побратимство оформлялось несколькими способами, наиболее распространенным из которых было следующее. Двое авторитетных аксакалов, принадлежащих к тукумам вступающих в побратимство, держали на уровне груди ритуальную палку (*ант-таякъ*), а братающиеся произносили слова клятвы и проходили под ней⁶⁶. В XIX в. существовала и специальная ритуальная песня, возможно, это была забытая ныне песня «Таякъ къарнашла» («Палочные братья»), о которой упоминает фольклорист Х.Х. Малкондуев⁶⁷.

Ритуал побратимства, проведенный в 1920 г. во время антисоветского восстания в Карачае, подробно описан М.Д. Каракетовым: «...посох джик-эллей таякъ хранился у князей Мударовых (род Крымшаухаловых, клан Карчалары). Он был завернут в панцирь (*бютёу кюбе*, или *мудар кюбе*), который висел сзади от почетного места (хозяина) дома *тёр* в селение Карт-Джурт... и под ней проходили только *бийле* (князья), *чанка* (близкое князю сословие), *сырма-уздени* (высшие уздени, близкие чанка) и *сарайма-уздени* (чаще *сарайымла* – служилые уздени) во время начала Княжеского Совета (*Къарча Тёре*). При клятве же побратимства могли ее применять и *тюз-уздени* (или *керти-уздени*), но дотрагиваться до нее могли только князь или княгиня. Последний обряд проводили следующим образом. За ответственный конец брался самый старший в княжеском "доме" человек, одетый в темное одеяние и в белую шапочку (*къаппей бёрк*), за острый конец – младший князь в белом одеянии, надев на голову шапочку желтого цвета. Последний должен был быть самым молодым среди женатых мужчин и обязательно иметь сына. Ему полагалось, кроме этого, взять в правую руку шкуру волка или ее кусочек, отчего его называли *Чорашим-сюек* букв. "Чорашим-кость"... Рядом со старшим князем должен был стоять *сарыу-кёрдемчи* («чистый или белый лекарь»), им могли быть как женщина, так и мужчина. По воспоминаниям карачаевцев, данный лекарь происходил только из сословия *сарайым-ёзден* (особая категория узденей, которая была на службе у высших сословий, т.е. "служилые уздени"). (...) Рядом с молодым князем находились Эрк-Биджиуук (чаще Эрк-Биджи-маг – колдун, чернокнижник) и предсказатель судеб Гёздерчи. После готовности к проведению обряда побратимства палку окропляли своеобразным пивом (*къарча-сыра*), напоминающим брагу. Затем братающиеся мыли руки в пиве и, взявшись за руки, проходили под палкой. После этого, держась за знамя, изготовленное из четырех кусков козьей шкуры (*джелтир*) и называемое *кипке-байракъ* (знамя киике), произносили клятву:

Джик-Эллейим Тейри-Къулу,
Джюз Эллейим Тейри-къулу,
Кёкледиге,
Джерледиге,
Тейриге,
Джерсуумайгъа,
Ант береме,
Кёк ууалгынчы,
Джер ойулгунчу,
Ант этеме,
Къарнашлыкъдан чыкъмазгъа.

Суставный мой Эллей слуга Тейри.
Сотый мой Эллей слуга Тейри.
Небесному духу (Духу небес),
Духу земных,
Богу,
Джерсумаю,
Клятву даю,
Пока небо не сломается,
Пока земля не провалится,
Клятву даю (букв. "делаю").
Не выходить из побратимства.

После произнесения клятвы, приносящие ее, три раза поклонившись младшему князю, дотрагивались лбами до свода правой ноги старшего князя, а затем до земли. Далее стоя, вытягивали шею к небу, спрятав руки за спину. После этого по команде *гёздерчи* – они делали поклон земле и, подойдя друг к другу, соприкасались лбами, взявшись правыми руками за локти. После этого старший князь (*байрахтам*), передав палку младшему, проводил выпуклой стороной ритуальной ложки, которую передавал ему *табалтайчы* (жрец), по затылочным выступам братающихся, заранее окунув ее в специально для данного действия приготовленное из пшеницы (*кызыл будай*) пиво *ара-сыры* "центральное пиво" красноватого цвета. После чего байрахтам разворачивал их спиной друг к другу и, положив руки на лбы дающих клятву, соединял их затылками (*бурунчакъ* букв. "древнее (носовое) время", выступ на затылке). Данное действие означало, что приносящие клятву отныне становились братьями *антлы-къарнаш* (клятвенные братья) или *таякъ тюбюнден туугъан къарнашла* (из-под палки родившиеся братья)⁶⁸.

По сведениям информаторов, в исключительных случаях (в период военных действий, на чужбине и т.д.) «палочное» побратимство можно было заключить и без свидетелей. В этом случае братающиеся, держа палку (иногда ружье) правыми руками за концы и не выпуская ее, произносили слова клятвы, затем поднимали руки и одновременно проходили под образовавшейся аркой, поворачиваясь друг к другу спинами⁶⁹.

Другой распространенной у карачаево-балкарцев формой анта было так называемое «вещевое родство» (*мал джууукълукъ*), которое оформлялось обменом: чаще всего менялись оружием (кинжалами, шашками и т.д.), реже скакунами, папахами (*чырпа/бухар бёрк*), традиционными мужскими серебряными и золотыми поясами (*кююш белибау*, *алтын белибау*) и т.п. «Устанавливается оно, – писали И.И. Иванов и М.М. Ковалевский, – обменом оружия или других предметов. "Мал-джуок", или нареченный брат, не несет у татар (карачаево-балкарцев. – М.Б.), как и у осетин, других обязанностей, кроме чисто нравственных и потому лишенных всякой внешней санкции»⁷⁰. Подобные обряды были широко распространены у разных народов Кавказа (осетин, вайнахов, ногайцев и др.)⁷¹, а также Центральной Азии⁷². Так, например, турки Средней Азии заключали побратимство, «облюбовав друг у друга (*галау*) ценную вещь, хорошего коня, ловчую птицу, охотничью собаку и т.д. Подружившиеся люди, целуя саблю или кинжал, перед свидетелями клялись: "Пусть отныне нас разлучит только смерть". Никто, за редким исключением, не изменял тамыру (побратиму. – М.Б.), ни при каких обстоятельствах друг друга не обижали, всегда первыми приходили на помощь, разделяя все невзгоды и радости»⁷³.

Обменом или дарением оружия у карачаево-балкарцев помимо побратимства часто закреплялись присяги или завершались какие-либо важные переговоры (о заключении мира, дружбы или даже брака). О старинном способе оформления брачного союза И.С. Щукин писал: «...он состоял в том, что жених вручал свой нож брату девушки, которую он хотел иметь женою, и если тот принимал его, то брак считался решенным, и отказаться от него считалось уже бесчестьем»⁷⁴.

Отдельные полевые данные утверждают, что в прошлом (ориентировочно в XI–XVIII вв.) существовал также обычай заключения «огненного» побратимства, когда братающиеся клялись огнем костра (реже очага). Часто к подобной форме анта прибегали мужчины, долгое время находившиеся в изоляции от остального общества (на чужбине, в коше и т.д.) и делящие между собой «хлеб-соль» (*туздам*), жизненные трудности и пр., в силу чего между ними складывались тесные доверительные отношения⁷⁵. Некоторые информаторы отмечают, что «огненный» ант считался заключенным лишь после того, как люди, выразившие желание его установить, клялись огнем, пекли на углях лепешку, разрывали ее пополам и съедали. Дети таких побратимов считались детьми людей, рожденных одной матерью, и браки между ними были запрещены⁷⁶. В XIX в. термин *от къарнаш* – «огненные братья» – стал употребляться применительно к обозначению ближайших родственников – членов одной (большой или малой) семьи⁷⁷.

Более широко клятва над костром или огнем в качестве обряда индивидуального побратимства была распространена у осетин – братающиеся приносили клятву, держа руки, скрепленные в рукопожатии, над горящим костром⁷⁸. На это же указывает и сама этимология осетинского слова побратим: *ардхорд* – поклявшиеся огнем (букв. «съевший огонь»). В этой связи я склонен считать, что карачаево-балкарский и осетинский варианты «огненного» побратимства являются общим аланским наследием двух братских народов.

Побратимы были верны своей клятве до последней минуты. В Карачае широко известен случай мести в 1905 г. есаула Гылыка Шидакова за смерть «кровного» побратима (къан къарнаш) Домалая Эчкибашева (атаул узденей Коркмазовых). Установив, что заказчик покушения, некий Кришанин, проживает в станице Горячеводской, Г. Шидаков нашел его и, по рассказам информаторов, одним взмахом отрубил ему голову и лизнул в знак свершения мести окровавленный клинок своей шашки⁷⁹.

Анализ литературных и полевых материалов показывает, что институт индивидуального побратимства – наиболее традиционный и устойчивый в системе искусственного родства карачаево-балкарцев. Отдельные случаи заключения побратимства, как я уже отмечал, встречаются и в настоящее время. Теперь ант устанавливают чаще всего путем исполнения двух обрядовых действий: либо заклания жертвенного животного (*къурманлык*), либо «соединения» крови побратимов (*къан къарнаш*). Побратимы, как и прежде, считаются близкими родственниками и браки между их семьями (но не атаулами) запрещены.

Коллективное побратимство (присяжные братства)

История присяжных братств не ограничивается рамками одного лишь Кавказского региона, но, напротив, имеет широкую зону распространения, будучи характерной для раннеклассовых обществ. Так, у кельтов в присяжные братства входили целые племена, которые считали себя происходящими от общего мифического предка⁸⁰. На другом конце света – у арабов также широко бытовало побратимство (*ухуввы*). «Обычно, – пишет Е.А. Беляев, – какое-нибудь малочисленное (и вследствие этого маломощное, захудалое) племя посылало в соседнее сильное племя одного или нескольких своих членов; те всячески старались вступить в отношения побратимства с кем-либо из этого племени. Если это удавалось, маломощное племя приобретало могущественного союзника и защитника. Ведь если два человека из разных племен становились "братьями", их племена тоже как бы вступали в родственные отношения со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями»⁸¹.

История присяжных братств в кавказоведческой науке лучше всего исследована у адыгских народов. Одним из первых охарактеризовал наиболее широкие патронимические организации адыгов – *тлеух* как «союзы присяжных братьев» в 1829 г. Г.В. Новицкий. Основанием для этого утверждения явился факт принятия в состав адыгских братств (причем как «демократических», так и «аристократических» племен⁸²) пришельцев посредством коллективного братания с ними или усыновления одной из фамилий (*ачих*), входящих в этот союз. В состав присяжного братства могли войти не только отдельные люди, но также целые семьи или даже небольшие патронимии. «Союз сей, – писал Г.В. Новицкий, – увеличивает народонаселение в горах. Всякий беглец, бродяга, преследуемый законами, находит верное убежище у адехе, преимущественно у абадзехов, шапсугов и натухайцев, которые почти все составлены из подобных людей. Беглец, который предполагает поселиться в горах, немедленно по прибытии должен просить покровительства и объявить свое намерение принять их обряды; в сем случае он делается безопасным, приводится к присяге и дает обязательство вести себя сообразно с обычаями адехе. В заключение присяги вступающий в число присяжных братьев прикладывает к челу Алкоран (последний обычай принадлежит адехе магометанского вероисповедания). С сего времени он равняется со всеми коренными жителями, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как товарищ и брат»⁸³.

Все члены братства считали себя происходящими от общего корня и потому кровными родственниками. Браки внутри одного братства «рассматривались. – по словам Джемса Белля, наблюдавшего эти порядки в Черкесии в 1837–1839 гг., – как кровосмешение и наказывались тем, что топили обоих», и, хотя позднее смертная казнь была заменена крупным штрафом, нарушители экзогамии, опасаясь за свою жизнь, часто были вынуждены покинуть свою родину⁸⁴. Этот автор стал очевидцем, как один из натухайцев, опасаясь мести, был вынужден бежать после того, как женился на женщине из своего братства.

По мнению Хан-Гирея, братства у абадзехов базировались не столько на кровном родстве, сколько на «соприсяжничестве», а включение посторонних лиц в их состав обуславливалось необходимостью увеличения численности «братства». «Эта необходимость, – писал Хан-Гирей, – вероятно, родила у них (адыгов. – М.Б.) обычный устав соприсяжного собратства, которое заключается в следующем. Человека, переходящего к ним из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода или звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя, причем, к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода или фамилии условия»⁸⁵.

Известны были фамильные присяжные братства и в других обществах Северного Кавказа. Нередко коллективное побратимство заключали фамилии, принадлежавшие к различным этносам. Так «в исторических преданиях балкарцев отмечены коллективные формы побратимства между представителями разных горских народов. В одном из таких преданий рассказывается, что кабардинцы Куденетовы и балкарские таубии (князя. – М.Б.) – потомки Басиата поклялись быть братьями и защищать друг друга до самой смерти»⁸⁶.

В Чечне присяжные братства были представлены «тукхумами», которые, по словам историка М.А. Мамакаева, представляли собой не кровнородственные организации, а «ассоциации нескольких тайпов»⁸⁷ (хотя вместе с тем он отмечает и существование тукхумов, основанных на кровном родстве, как, например, чантийцы и терлоевцы)⁸⁸.

В Дагестане часть кумыкских *салаузденей* (первостепенных дворян) «вступила, – по словам М.Б. Лобанова-Ростовского (1846 г.), – в присяжное братство с собственными их чагарами (крепостными. – М.Б.) и тем избежала истребления, предстоящего ей от сильных врагов (князей. – М.Б.)»⁸⁹.

В несколько иной адопционной форме консолидации существовали присяжные братства в Ингушетии. Здесь представитель слабой фамилии «приходил и резал быка у башни сильного рода в присутствии народа и просил принять его в род; с этих пор он принимает новую фамилию (приютившего рода) и пользуется защитой ее. ...Договора между вступающим в род и последним нет; вступающие получают... право пользоваться общественной землей, где живет новый род, загоном, лесом, покосным местом» и т.д.⁹⁰

Существовали присяжные братства – *каумы* – и в Карачае⁹¹ (в Балкарии каумы отсутствовали), однако в них исследователи традиционно склонны были видеть «роды», «фратрии» или «кланы» (в последнее время высказываются также предположения об их «племенном» характере). Все эти версии так или иначе сводят генезис каумов к гипотезе разрастания и разветвления исходной кровнородственной единицы, что не совсем верно. Зарождение и формирование присяжных братств, как и всякого другого историко-этнографического явления, происходило разными путями в зависимости от конкретных ситуативных обстоятельств. Однако главный вывод о сущности подобных социальных объединений был сделан еще в начале XX в. М.М. Ковалевским: вначале возникает общность, а затем – миф об общем предке и, следовательно, происхождении⁹². Так, согласно карачаевским преданиям, родоначальниками каумов были основатели карачаевского раннегосударственного феодального образования

(Карачая) – Карча, Науруз, Будиян, Трам, Адурхай и др. Каумы носили имена своих праотцов, а все их члены именовались соответственно наурузовцами (*наурузла*), будияновцами (*будиянла*), трамовцами (*трамла*), адурхаевцами (*адурхайла*), хустосовцами (*хустосла*), шадибековцами (*шадибекле*), чибишевцами (*чибишле*) и т.д.⁹³

Внутри братств царила строгая брачная экзогамия, что, по всей видимости, и стало причиной «загадки» карачаевских присяжных братств. «Раньше у карачаевцев наблюдалась строгая экзогамия, – писал в 1913 г. И.С. Шукин о каумах, – и случаи браков между представителями одного и того же рода (братства. – *М.Б.*) всегда вызывали негодование сородичей (соприсяжников. – *М.Б.*). В настоящее время этот обычай уже не соблюдается с такой строгостью, хотя поколение Наурузов все еще придерживается экзогамии. Теперь отменены даже штрафы, которые в сравнительно недавнее еще время брались с нарушителей обычая; эти штрафы выплачивались, как мне многие говорили, не деньгами, а медной посудой, например большими котлами»⁹⁴. Однако отдельные фамилии продолжали придерживаться экзогамии вплоть до 1960-х годов. Так, например, Тамбиевы и Текеевы, входившие в братство Будиян, впервые нарушили этот принцип лишь в 1919 г., «когда сын кулака Урусбия Тамбиева женился на дочери кулака Ибрагима Текеева»⁹⁵, а Хубиевы и Биджиевы, входившие в братство Шадибек, – только по возвращении народа из сталинской ссылки в 1957 г. и т.д.

В 1930 г. историк И.Тамбиев вплотную приблизился к разгадке феномена карачаевских каумов. Верно определив базовый детерминационный принцип вторичности каумов (по крайней мере большинства из них) по отношению к фамилиям, входящим в их состав, он писал: «Внешние и внутренние условия, в каких развивался родовой союз (фамилии. – *М.Б.*), заставили карачайские роды (фамилии. – *М.Б.*) объединиться в союзы (т.е. присяжные фамильные братства – *кѳауум*. – *М.Б.*)»⁹⁶, которые в народе называют «"антлы-карнаш" – "клятвенное братство", "таяк-карнаш" – "палочное братство"»⁹⁷. Однако вопреки народной терминологии, очевидно указывающей на принадлежность каумов к институтам псевдородства, а также собственным наблюдениям и выводам и, в частности, утверждению, что «такое братство является основой» союза будияновцев, адурхаевцев и наурузовцев, и «в их жизни оно (коллективное братание. – *М.Б.*) имело место не раз»⁹⁸, этот автор, повинуясь общей тенденции, ошибочно характеризует братства термином «фратрия». Все последующие поколения ученых вслед за А.Н. Дьячковым-Тарасовым предпочитали употреблять термин «клан»⁹⁹.

Основным способом заключения коллективного побратимства у карачаево-балкарцев было совершение обряда «прохождение под полкой». «Вхождение во фратрию (братство. – *М.Б.*), – писал И. Тамбиев, – сопровождалось большими церемониями. Сбор братских родов (фамилий. – *М.Б.*), клятва в знак верности друг другу с прохождением из-под палки»¹⁰⁰.

Здесь следует обратить внимание на то, что обряды коллективного «палочного» усыновления и коллективного «палочного» побратимства были почти одинаковыми, с той лишь разницей, что при усыновлении под палкой проходил только принимаемый в братство или фамилию человек или группа, а при коллективном побратимстве – все участники обряда. Кроме того, при коллективном побратимстве пришельцы входили не в состав фамилии, как это было при усыновлении, а в состав одного из существующих каумов, образуя в нем новую «братскую» фамилию. Такова, например, история фамилии Тамбиевых (Тамбийлары) и Тохчуковых (Тохчукълары) – выходцев из Кабарды. Первые вошли в братство Будиян, вторые – в братство Шадибек¹⁰¹.

Известен также случай «огненного» побратимства трех фамилий – Хубиевых (Хубийлары), Биджиевых (Биджилары) и Тоторкуловых (Тотуркѳуллары). По утверждению информаторов, изначально Хубия (родоначальник Хубиевых) и Биджи (родоначальник Биджиевых) состояли в кровном родстве (по одним данным они были братьями, по другим – Биджи был сыном Хубии). По истечении некоторого времени разросшиеся фамилии стали забывать о своем родстве, тогда Хубиевы и Биджиевы, входящие наряду с Хасановыми, Тохчуковыми, Быттаевыми и другими в братство

Шадибек¹⁰², заключили между собой палочное побратимство, так сказать братство в братстве¹⁰³. Позднее для укрепления и укрупнения своего «внутреннего» союза было решено побрататься с Тоторкуловыми – выходцами из Балкарии. Однако на этот раз побратимство было оформлено иначе, а именно клятвой над огнем костра. Старейшины указанных фамилий, держа в руках горящие головни, поклялись, что фамилии, которые они представляют, с этих пор будут считаться братскими¹⁰⁴. Интересно, что при этом Тоторкуловы не вошли в состав братства Шадибек, в котором состояли Биджиевы и Хубиевы.

Важным показателем принадлежности к тому или иному братству было наделение фамилий, входящих в их состав, правом пользования общей каумной тамгой (*къауум тамгъа*). Так выглядели каумные тамги основных карачаевских братств: Адурхай – ☉, Будиян – ☉, Науруз – ☒, Грам – ☑, Хустос – ☑, Чибиш – ☑, Шадыбек – ☑¹⁰⁵.

Не имело общей тамги лишь братство княжеских фамилий – Къарча къауум¹⁰⁶, но графическая основа тамг входящих в него фамилий все же одина и представляет собой трезубец, известный также как фамильная тамга крымских ханов. Так, тамги князей Карабашевых выглядели следующим образом – ☒, ☑ и ☑; Урусбиевых – ☑, ☑ и ☑; Дудовых – ☑ и ☑; Крымшамхаловых – ☑¹⁰⁷.

На основе модификации каумной тамги фамилии (а следом и семьи), входящие в братства, составляли свои «индивидуальные» тамги. Так, например, Тамбиевы наряду со своей изначальной тамгой ☑¹⁰⁸ пользовались также и такой тамгой ☑, которая являлась модификацией будияновской каумной тамги ☉. Тохчуковы и Быттаевы, войдя в братство шадыбековцев, пользовались каумной тамгой ☑, в качестве же своей фамильной тамги использовали ее трансформации: Тохчуковы – ☑, Быттаевы – ☑. Кубановы, ведущие свое начало от абазинских дворян Лиевых, были приняты в состав братства Науруз и пользовались наравне с остальными его членами каумной тамгой наурузовцев – ☒. Позднее они вывели для себя две ее модификации: ☑ и ☑¹⁰⁹. В то же время две другие фамилии, наряду с Кубановыми ведущие свое начало от Лиевых – Джатдыевы и Богатыревы, продолжали пользоваться вариантами Лиевской тамги (☉, ☑, ☑¹¹⁰): Джатдыевы – ☉, ☉ и ☑, Богатыревы – ☑ и ☑¹¹¹.

Как и у других народов Кавказа, карачаевские присяжные братства управлялись советом старейшин входящих в него фамилий, который собирался «по инициативе любого из братских родов, считавшего необходимым его созыв по тому или иному вопросу, касающемуся жизни родового союза или даже отдельного рода. Заинтересованный род заранее извещал остальных, которые собирались на определенном, заранее условленном месте. Инициатор собрания докладывал всеобщему вниманию о случившемся или о грозящей опасности. Решение, если оно носило особо серьезный характер, требующий усилия всего союза, закреплялось клятвой с прохождением из-под палки»¹¹².

Во второй половине XIX в. роль присяжных братств стала ослабевать и пришельцы перестали входить в состав крупных каумов, стремясь заключить фамильное присяжное братство с отдельными влиятельными тукумами. Так, например, «люди Алиевых и Шамановых прошли под палкой и стали палочными братьями. Впоследствии эти тукумы жили рядом и они никогда не нарушали своего родства»¹¹³. Как уже отмечалось выше, к 1920-м годам каумные связи окончательно разрушились и только отдельные фамилии еще сохраняли родственные отношения вплоть до депортации

карачаевцев в 1943 г. в республики Центральной Азии. В настоящее время многие карачаевцы помнят о былой принадлежности своих фамилий к тому или иному братству, однако это не влечет никаких взаимных обязанностей или ограничений.

Проблема искусственного родства и, в частности, побратимство интересовали многих ученых-этнографов, однако степень исследования различных его видов у разных народов была неодинакова. В частности, по отношению к карачаево-балкарцам эта тема до настоящего времени оставалась практически неизученной. Дальнейшее исследование этой проблемы на основе выявления и использования новых литературных и архивных данных, а также материалов полевой экспедиции в Балкарию позволят глубже понять причины бытования и выявить новые формы побратимства у карачаево-балкарцев.

Примечания

- ¹ Степной закон / Сост. А.А. Никишенков. Москва, 2000. С. 60.
- ² Левин В. Пролог курганных степей. См.: <http://courier.com.ru/energy/skif.htm>
- ³ Смирнов А.А. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 661.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Геродот. История в девяти книгах: Перев. Г.А. Стратановского. М., 1999. Кн. IV, п. 70.
- ⁶ Смирнов А.А. Указ. раб. С. 602.
- ⁷ Памятники обычного права албанцев османского времени / Сост. Ю.В. Иванова. М., 1994. С. 143.
- ⁸ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Москва, 1999. С. 34.
- ⁹ Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 174; 186.
- ¹⁰ Аргынбаев Х. Семейно-брачные отношения // Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. С. 283–284.
- ¹¹ Материалы для изучения юридических обычаев киргизов//Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост. А.А. Никишенков. М., 2000. С. 60.
- ¹² Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казацкого народа. Ташкент, 1925. С. 12.
- ¹³ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 60–61.
- ¹⁴ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 583.
- ¹⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. III. С. 137.
- ¹⁶ Левин В. Указ. раб.
- ¹⁷ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М., 1974. С. 128.
- ¹⁸ Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сборник (далее – КЭС). М., 1989. Вып. 9: Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Там же; Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане XVIII – нач. XX вв. Махачкала, 1995; Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.
- ¹⁹ Ант (< древнетюркское *and*) – клятва, присяга. в редких случаях употребляется также в значении «соприсяжники», побратимы. См.: Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969. С. 44; Карачаево-балкарско-русский словарь (далее – КБРС). Москва, 1989. С. 66
- ²⁰ Памятники обычного права албанцев османского времени. С. 143.
- ²¹ Под «кровными братьями» (*кѳан кѳарнашл*) карачаево-балкарцы, так же как и кумыки, понимают еще и породнившихся (путем усыновления) кровников.
- ²² Полевые материалы автора (далее – п/м) 1998 г.: информатор Семенланы Хабиб 1917 г.р., аул Учкёкен.
- ²³ Этот обычай бытовал у многих народов алтайской языковой семьи под названием «питие клятвы» (кумык. *анд ичив*, турецк. *ант иштек* и т.д.). См.: Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты... С. 197; Гаджиева С.Ш. Указ. раб. С. 90; Большой турецко-русский словарь. М., 1998. С. 57; Бартольд В.В. Указ. раб. С. 583 и др.
- ²⁴ П/м 1998 г.: Габийланы Апалистан 1927 г.р., аул Карт-джурт.
- ²⁵ П/м 1998 г.: Чагъарланы Рабият 1920 г.р., пос. Эльбрусский.
- ²⁶ П/м 1997 г.: Боташланы Эльдар (Добай) 1930 г.р., аул Первомайский.
- ²⁷ П/м 1997 г.: Ёзденланы Алимат 1930 г.р., аул Карт-Джурт.

- ²⁸ П/М 1998 г.: Тамбийланы Заурбек 1973 г.р., аул Первомайский.
- ²⁹ Карачаево-балкарское *гяуур* происходит от арабского *кафир* – «неверующий, нечестивый, безбожник» и употребляется в значении «иноверец, немусульманин». См.: Арабско-русский учебный словарь (далее – АРУС). М., 1982. С. 862; КБРС. С. 195.
- ³⁰ П/м 1997 г.: Джаммаланы Аншат 1901 г.р., аул Учкёкен.
- ³¹ *Фрезер Д.Д.* Указ. раб. С. 186. По информации Я.В. Чеснова, предоставленной мне в частной беседе в 1998 г., аналогичная форма присяги известна также чеченцам.
- ³² П/м 1997 г.: Орусланы Умар 1926 г.р., аул Учкёкен.
- ³³ П/м 1996 г.: Къочхарланы Зубар 1933 г.р., аул Римгорка.
- ³⁴ Патронимическая организация карачаевцев имела четырехуровневую структуру: первый или низший уровень составляли большие семьи (*уллу юйюр*); второй уровень – объединения близкородственных больших семей, так называемые атаулы (*атауул*, букв. «ветвь»); родственные атаулы объединялись в фамилии (*тукъум*) – патронимии третьего уровня; и, наконец, четвертый уровень составляли союзы фамилий – присяжные братства (*кстауум*).
- ³⁵ П/м 1989 г.: Шидакъланы Мукъуй 1920 г.р., аул Карт-Джурт.
- ³⁶ П/м 1997 г.: Айбазланы Халимат 1920 г.р., аул Первомайский.
- ³⁷ Слова *чѣб* («стебель») и *Чоппа* являются однокоренными.
- ³⁸ П/м 1997 г.: Шидакъланы Мукъуй 1920 г.р., аул Карт-Джурт.
- ³⁹ П/м 1997 г.: Шидакъланы Акъоттай 1920 г.р., аул Первомайский.
- ⁴⁰ *Смирнова Я.С.* Указ. раб. С. 232.
- ⁴¹ *Волкова Н.Г.* Этнокультурные контакты... С. 196.
- ⁴² *Зиссерман А.Д.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867 гг.) СПб., 1879. С. 167; *Калоев Б.А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 52.
- ⁴³ *Гиджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 91.
- ⁴⁴ *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 38.
- ⁴⁵ П/м 1997 г.: Боташланы Магомет 1914 г.р., аул Карт-Джурт.
- ⁴⁶ *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1988. С. 20–21.
- ⁴⁷ *Геннеп А., ван.* Указ. раб. С. 9.
- ⁴⁸ Сага о Гисли. См.: www.holmogorov.rossia.org:8101/libr/gurevich/saga4.htm
- ⁴⁹ *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 136–137.
- ⁵⁰ *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995. С. 30.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Одна из моих информаторов рассказала: «Джабышмакъ терек (боярышник. – М.Б.) предотвращает сглаз. Однажды, находясь на сенокосе, человек, обладавший сильным сглазом («ачы кѣю болгъан»), сказал своим товарищам: "Вы видите того проезжающего вдали на арбе? Я могу сделать так, что его волы упадут!" И действительно, один из волов упал и арба остановилась. Косари поспешили пойти и посмотреть, что же с ним произошло; упавший вол весь в "черном" поту лежал и тяжело дышал, а другой же стоял совершенно невредимый. Это очень удивило косарей. Однако очень скоро они поняли в чем дело: оказалось, что с наружной стороны ярма "здорового" вола был вбит деревянный гвоздь из джабышмакъ, поэтому он не пострадал. Если бы гвоздь находился между волами, то не пострадали бы они оба. После всего увиденного парни рассказали все погонщику и "убрали" сглаз, и повозка уехала» (П/м 1998 г.: Халимат Байрамкулова. 1920 г.р., аул Первомайский).
- ⁵³ *Малкондуев Х.Х.* Об общинных обрядах балкарцев и карачаевцев // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 103.
- ⁵⁴ *Каракетов М.Д.* Указ. раб. С. 28–30.
- ⁵⁵ П/м 1998 г.: Гочияланы Нархан 1914 г.р., аул Карт-Джурт.
- ⁵⁶ П/м 1997 г.: Текеланы Апалион 1916 г.р., аул Римгорка.
- ⁵⁷ *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 181.
- ⁵⁸ *Малкондуев Х.Х.* Указ. раб. С. 103; *Казиева Н.* Меджисуу кѣзбаула // Ленинни байрагъы. Черкесск, 1983. 22 декабря.
- ⁵⁹ П/м 1997 г.: Къарабашланы Абу-Юсуф 1921 г.р., аул Мирный Ставропольского края.
- ⁶⁰ *Дьячков-Тарасов А.Н.* Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ С. 142.
- ⁶¹ *Миллер Б.В., Ковилевский М.В.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы (далее ВЕ), 1884. № 4. С. 113–115.
- ⁶² *Малкондуев Х.Х.* Указ. раб. С. 104.
- ⁶³ *Алиев Умар.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927. С. 140.
- ⁶⁴ *Бгажноков Б.Х.* Указ. раб. С. 95.

⁶⁵ *Каракетов М.Д.* Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М., 1999. С. 116.

⁶⁶ П/м 1997–1998 гг.: Байрамукъланы Халимат 1920 г.р., аул Первомайский.

⁶⁷ *Малкондуев Х.Х.* К вопросу историзма балкаро-карачаевского героико-исторического песенного фольклора // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 103–106.

⁶⁸ *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни... С. 28–30.

⁶⁹ П/м 1998 г.: Семенланы Хабиб 1917 г.р., аул Учкеек.

⁷⁰ *Иванюков И.И., Ковилевский М.М.* У подошвы Эльбруса // ВЕ. СПб., 1886. № 1. С. 567.

⁷¹ *Дзидзиев А.Б.* Формы искусственного родства у осетин // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 170; *Смирнова Я.С.* Указ. раб. С. 233; *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 86.

⁷² Степной закон... С. 60.

⁷³ *Аргынбаев Х.* Указ раб. С. 283–284. П.Е. Маковецкий выделял в конце XIX в. три разновидности побратимства у тюрков Средней Азии: «...самая крепкая связь – это дружба, соединяющая между собой доз-тамыров, т.е. друзей до века. (...) Доз-тамыр обязан всегда помогать своему другу, он может взять у него без спроса все, что ему угодно и никаких расчетов между друзьями не полагается. Время существования этой дружбы не определяется; она переходит с отцов на сыновей до тех пор, пока сын одного из тамыров (побратимов. – М.Б.) не просватает за себя дочери другого. (...) Вторую степень представляет сюек-тамырство, т.е. костяная дружба, связующая между собою сватов; (...) низшая, весьма распространенная форма – это словесная дружба (аус-тамыр)». См.: Степной закон... М. 2000. С. 60.

⁷⁴ *Шукин И.С.* Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. М., 1913. № 1–2. С. 57.

⁷⁵ П/м 1997 г.: Виджиланы Ахия 1931 г.р., аул Первомайский.

⁷⁶ П/м 1998 г.: Байрамукъланы Халимат 1920 г.р., аул Первомайский.

⁷⁷ *Шукин И.С.* Указ. раб. С. 41; *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 182.

⁷⁸ *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.:Л., 1949. Т.1. С. 576; *Смирнова Я.С.* Указ. раб. С. 232.

⁷⁹ П/м 1997 г.: Шидакъланы Акътотай 1920 г.р., аул Первомайский.

Трагической смерти Домалая Коркмазова посвящена песня-плач (*кюу*) «Домалай»

Домалай

Эчкибашлапы да бир джигит туугъан
Домалай,
Амал джокъму эди сен Нарсанадан къорамай?
Сен тура эдинъ бу Нарсанада бий кибик,
Эртенбла да джылтыраб чыкъгъан кюн кибик.
Кетиб бараса бир кѣмюр кибик, кюл кибик,
Нарсанада да бир тура энъ ашай-иче,
Ай Гапполаны да бир Ойдур келеди юсюнге,
Ах, мени джауум бир аман кѣрсюн тюшонде.
Ол кече ма сеннге салыб келген а
Гапполаны да бир итден туугъан Ойдурду,
Чыгъа барды да къанлы тенгелеге сойдурду,

«Мени къанымдан гурноу Шахымны тойдурду.
Къарнына кирсин гурноу Шахымны къамасы», –

Деб джылай эди джарлы Домалайны анасы.
Акъ къунаджинни Басханнга элтиб сатдыла,

Алтын къамангы залогга салыб тартдыла.
Ой ёлген ёлюнгю Элькъуш ыраннга атдыла,

Домалай

Рожденный джигитом Домалай Эчкибашев

Нельзя ли было тебе уехать из Кисловодска?
Жил ты в Кисловодске, словно князь.
Как восходящее в сиянии солнце.
А уходишь будто уголь [сгоревший], будто зола.
Ты в Кисловодске жил – и ел, и пил,
Ой, пришел к тебе Ойдур Гаппоев,
Ах, приснится пусть такое врагу.
Направился в ту ночь к тебе
Рожденный собакой Ойдур Гаппоев.
И оставил тебя на расправу своим кровавым
друзьям
«Моей крови напился гурноу (?) Шахым.
Пусть вонзится в живот кинжал гурноу
Шахыма», –
Причитала несчастная мать Домалая.
[Твою] белую кобылу [убийцы] продали
в Баксане,
Твой золотой кинжал пропили, отдав под залог,
Ой, кинули твой труп в скалах Элькуша,

Он, ёлюгонгю ышхылды ыранда табдыла.
Ана къранашынгды бу Голаланы Басият,
Сен эте эдинг ышхылды ыраннга осият.

Ана къранашынгды бу – Голаланы Наныды
Ол ёлюгонгю къубас чырыгынгдан таныды.
Ой, да кюкюрейди да ариу джашнайды
Ананг Мукъуятны да сохан бачхасы.
Сени джанынгты уа эрлай алдырды
Кришанини джыйырма тюмен ачхасы.
Аджир юлошлени бир къара джерге джудтурган,
Иелерине къуру къамчи сабны тутдурган.
Ай тулпар тууган Эчкибашланы Домалай,
Амал джокъму эди сен Нарсанадан къорамай?
Аджир юлошлени къара джерге джашырган, ой,
Иелерине бир ариу айгыб, ашырган, ой,
Эчкибашланы бир джигит тууган Домалай,
Амал джокъму эди сен Нарсанадан къорамай?

Ой, нашел твой труп в скальных кустах
Твой дядя по матери Басият Голаев.
Говорил ты свое завещание скальному кустар-
нику.
– Твой дядя по матери Наны Голаев
Узнал твой труп по кожаным чувакам.
Ой, гремит [гром] и красиво цветет
Твоей матери Мукуят луковая бахча.
А душу твою в мгновение забрали
Деньги Кришанина в двадцать рублей.
Табуны лошадей поглотила черная земля.
А хозяевам осталась лишь рукоятка камчи.
Ай, рожденный героем Домалай Эчкибашев.
Нельзя ли было тебе уехать из Кисловодска?
Табуны лошадей скрылись в черной земле, ой,
Хозяевам же достались лишь добрые слова, ой,
Рожденный джигитом Домалай Эчкибашев,
Нельзя ли было тебе уехать из Кисловодска?

(П/м 1997 г.)

⁸⁰ Смирнов А.А. Указ. раб. С. 553.

⁸¹ Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский Халифат в раннее средневековье. М., 1966. С. 77–78.

⁸² Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. Отд. 1. С. 80–81.

⁸³ Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. 1829. № 24.

⁸⁴ Гарданов В.К. Адыгские «братства» в XVIII – первой половине XIX в. // Сов. этнография, 1964. № 2. С. 31.

⁸⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 200.

⁸⁶ Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты... С. 198.

⁸⁷ Тайп (от арабск. *таифа* – община, группа, см.: АРУС, 1982. С. 536) – аналог карачаево-балкарских *тукъумов*.

⁸⁸ Мамакиев М.А. Чеченский тайп (род) // Чеченцы: история и современность. Москва, 1996. С. 185–186.

⁸⁹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. С. 97–97.

⁹⁰ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Изв. Ингушского научно-исследовательского института краеведения, 1930. Вып. 2–3. С. 312.

⁹¹ Присяжные братства горцев Кавказа в целом были идентичны, так, например, карачаевские «каумы» соответствовали адыгским «тлеухам» и чеченским «тукхумам», а входящие в их состав фамилии «тукумы» – адыгским «ачих» и чеченским «тайп».

⁹² Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905. С. 19.

⁹³ Тамбиев И. Указ. раб. С. 92.

⁹⁴ Шукин И.С. Указ. раб. С. 56–57.

⁹⁵ Тамбиев И. Указ. раб. С. 97.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 92.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Дьячков-Тарисов А.Н. Указ. раб. С. 140.

¹⁰⁰ Тамбиев И. Указ. раб. С. 92.

¹⁰¹ Список лиц свободных сословий бий, чанка, узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда // Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 262. Д. 23. Л. 50–86; Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дорефор-
менный период). Черкесск, 1960. С. 139; П/м 1997 г.: большинство информаторов.

¹⁰² Список лиц... // ЦГА РСО-А. Ф. 262. Д. 23. Л. 50–86; Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографич. обозрение. М., 1902. № 1. С. 7.

¹⁰³ П/м 1997 г.: Биджиланы Мухтар 1925 г.р., аул Первомайский.

¹⁰⁴ П/м 1997 г.: Биджиланы Ахия 1931 г.р., аул Первомайский.

¹⁰⁵ П/м 1997–1998 гг.

¹⁰⁶ В Карачае известна так называемая «тамга Карчи», однако она никогда не находилась в общем пользовании членов княжеского братства, что в принципе соответствовало сути феодального строя.

¹⁰⁷ П/м 1997–1998 гг.

¹⁰⁸ Тамбиевы-кабардинцы использовали следующие ее модификации: , , , и др. См.: Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. С. 146.

¹⁰⁹ Тамги Кубановых — кубанских ногайцев удивительно схожи с тамгами Кубановых — карачаевцев и по виду являются их трансформациями (, ,), однако достоверно утверждать о карачаевском происхождении этой фамилии у ногайцев (равно как и обратное), исходя лишь из фонетического и смыслового соответствия двух (?) эпонимов и геральдического единства (?), мы не можем. Так, по данным Р.Х. Керейтова, ногайские Кубановы восходят к тюркскому племени *кобанишы*, чьи тамги — , — теоретически могли явиться графической основой тамг Кубановых. См.: Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999. С. 85, 113, 121, 123.

¹¹⁰ Яхтанигов Х.Х. Указ. раб. С. 168.

¹¹¹ П/м 1997–1998 гг.

¹¹² Тамбиев И. Указ. раб. С. 97.

¹¹³ П/м 1998 г.: Габийланы Апалистан 1927 г.р., аул Карт-Джурт.

M.D. Botashev. Fraternity relations among the Karachai people

For all the numerous publications on the institution of fraternity here and abroad this custom of the Karachai and Balkar peoples has remained unexplored to this day. The present article pioneers a complex study in all the forms and variations of fraternity relations among them and offers a description of fraternization rites and rituals of the past and of the present.

Fraternity relations can be individual (its variations are: a union between two women and between a woman and a man) and collective (i.e. between more or less numerous groups of relatives from each side. Fraternity relations were seen as equal to those of blood kinship and precluded marriage between members of the two respective groups in the fictitious kinship.